

25 октября. 02:33. Подземелья Хогвартса.

— Мы эти подземелья скоро будем знать лучше слизеринцев, — негромко проворчал Невилл, идя впереди Ханны и Луны, и держа перед собой небольшой шар света в ладони.

Это заклинание напоминало Люмос, но на самом деле им не являлся. Это был аналог шара тьмы Гарри, который тот запускал с руки несколько раз, и кроме света, также могло нанести урон, обжигая при ударе, или отвлекая. Если кинуть такой шар в стену или потолок, оно взорвётся сотнями мелких огоньков, слепя всех.

— Тоже неплохо, Нев. Зато не заблудимся, в этом случае, и не надо просить помощи, — осматривала все стены, потолок и пол Истинным Зрением Ханна, чтобы ничего не пропустить, что было очень непросто.

Магия Замка немного отвлекала, но, что интересно, сам Замок не мешал. Она заметила это ещё при первом посещении Хогвартса, после того, как прошли тот самый Ритуал и у неё проявились новые силы. Замок был живым, но слабым, словно умирающим, но при этом был всё также силен, готовясь защищать детей до последней капли магии.

— Другие слизеринцы не будут злиться, так как нам не придётся их отвлекать от своих дел.

— На тебя они вообще не будут злиться, Луна, даже если зайдёшь к ним в гостиную. Драко за тебя любого порвёт или в виде ворона заклюёт. Тебе никто и слова не сказал, когда ты стала садиться за их стол. И как же тут всё-таки холодно, боюсь представить, каково тут зимой.

— В гостиной Слизерина не так уж и холодно, на самом деле, — задумчиво произнесла Полумна, используя свою новую способность.

Когда Драко впервые это увидел, от неожиданности превратился в ворона. Шутка ли, в темноте зажглись вначале золотистые глаза, а потом и волосы девушки, которые в этот момент полностью стали как пылающий огонь.

На слова девушки, Невилл и Ханна быстро переглянулись, после чего закатили глаза. Стоило догадаться.

Бродить по подземельям было мало приятного. Радовало лишь то, что благодаря Дафне и Блейзу у них была полная карта подземелий. Почему они не пользовались Картой Мародёров? А потому, что подземелья были там нарисованы лишь в общих чертах. Мародёры не могли нормально обследовать их, а Петтигрю, будучи крысой, скорее всего боялся быть замеченным, и явно просто быстро пробежал по ним.

— Ладно, давайте передохнём, — проговорил Невилл, остановившись и передавая карту девочкам.

У него уже глаза болели в течение часа всматриваться сначала в карту, а потом в коридоры подземелий, ища ориентиры. Его глазам нужен отдых, в конце концов. Пока девочки разбирались в том, где они находятся и куда можно пойти дальше, Невилл решил присесть возле стены, опираясь на неё спиной, чтобы передохнуть. Секунд десять.

Ханна и Полумна не успели нормально приглядеться к карте, когда услышали громкий вскрик, и звук падения. Повернувшись, они не увидели Невилла, как и часть стены. Добежав до стены, они увидели небольшую лестницу, что шла вниз и оканчивалась небольшой площадкой и двойной дверью, перед которой лежал Невилл, вернее, он уже вставал.

— Нев, ты в порядке? Не пострадал?

— В порядке, Ханна. Я не пострадал, но вот моя гордость, — пробурчал парень, потирая свой копчик. — Могло быть и хуже. Что там на карте?

— На карте этого места нет. А вот в магическом плане...

Аббот подошла к двери, проведя вначале по ней рукой, а после достала палочку и начала выводить различные фигуры.

— Мерлин, магические нити тут настолько переплетены друг с другом, что диву даёшься, как они ещё не порвались.

— Как думаешь, у тебя получится их распутать? — поинтересовался Лонгботтом, отряхиваясь.
— Или придётся оставить дверь так?

— Хм. Ну, думаю смогу, но потребуется время. За пару ночей тут не разобраться, а если поторопиться, что тут так ударит магией по округе, что даже акромантулы в Запретном лесу почувствуют. А может и в Хогсмиде.

— Сообщим Гарри? — задала вопрос Луна. — Или пока не стоит?

— Лучше не стоит, — поморщился Невилл. — Они с Гермионой готовятся к ритуалу магического брака, так что лучше им пока не нервничать. Зная Гарри, он будет бегать, придумывать способы открытия двери, в общем, не сосредоточится. К тому же, не стоит отвлекать от свадебного путешествия. Пусть отдохнут. Пока попробуем разобраться с этим сами, а там соберём высший состав Альбиона и будем решать, что делать. Ещё неизвестно, что именно за этой дверью находится.

* * *

1 ноября. 01:15.

— Наконец-то, спокойствие. Пусть и ненадолго.

— Надо наслаждаться этими моментами, пока мы можем. Так же, как я наслаждаюсь, когда ты рядом со мной, — тихонько проговорил Гарри, прижав к себе свою жену.

Гермиона, тихо заурчав, прижалась к любимому. Кто сказал, что Василиски не урчат? Если ей этого хочется, она будет урчать. Да и как тут может быть иначе, когда Гарри настолько близко, обнимает её, да и его магия словно укрывает её.

— Думаешь, Фадж пойдёт на это? — немного сонно проговорила Гермиона, поудобнее устраиваясь в объятиях мужа. После душа её настолько разморило, что она с радостью уснёт прямо так. Без одежды. В объятиях Гарри.

— У него не будет выбора. Люциус уже начал медленную обработку, и, если наш министр попробует отказаться или посадить Драко, ему конец. Его объявят убийцей старых традиций, которых и так почти не осталось, а заодно обвинят в пособничестве тем, кто пытается уничтожить магический мир изнутри. Думаешь, у Люциуса нет рычагов? Либо Фадж помогает нам, либо теряет кресло министра. А при попытке помешать — жизнь.

— Жестоко. Но по-другому никак. Драко нужно легализовать свои силы и титул Жреца Хель.

Но всё равно, нужна причина, ведь не скажешь ему, что Драко просто так захотел стать жрецом, освобождая своего отца от Метки.

— Мы уже подумали об этом. И решили открыть министру настоящее положение дел. Что Волан-де-Морт возродился.

— Гарри! — тут же подорвалась Гермиона, посмотрев в глаза парню. — Дамблдор уже об этом говорит, и к чему это привело?

— А где его доказательства? — ухмыльнулся Поттер-Эванс. — Он говорит и говорит, но он не предоставляет доказательств, и пытается вызвать страх в обществе. Я пойду к Фаджу с Амелией, и предоставим всё, что у нас есть, и что мы работаем над его уничтожением, но тайно, чтобы не вызвать бурю в народе. У него просто не будет выбора — был бы я один, он мог просто не выслушать меня, и поливать грязью как Дамблдора. А так у него на приёме буду я, Амелия, Люциус и ещё несколько человек, которые всё подтвердят.

— Как же это всё тяжело, Гарри, — девушка уткнулась в грудь своему мужу, жалобно простонав. — Скорее бы это всё закончилось. Хочется спокойствия, настоящего и постоянного, а не временного.

Поттер-Эванс крепче прижал к себе свою любимую, поцеловав её волосы.

— Мне тоже. Честно говоря — я ужасно устал морально. Избавиться бы от Тома, Альбуса и Кэмбелла, и заняться тем, чем хочется больше всего.

— М-м-м, и чем же?

— Ну, во-первых, засесть в лаборатории и мастерской. Заняться зельями, артефактами, успокоить, таким образом, свои нервы. А во-вторых...

Когда Гермиона подняла взгляд, Гарри тихонько зарычал, и укусил её за шею, вызвав у девушки тихий писк и смехок.

— А во-вторых, я смогу просто сидеть в обнимку со своей любимой женой, и делать всё, что захочу, не боясь, что кто-то из этих людей попробует меня убить или мной манипулировать.

Гермиона Поттер на такое заявление попыталась возмутиться, но вместо этого укусила парня в ответ, крепко обнимая. После того, как они связали себя узами магии, они чувствовали не просто магию друг друга, а чувства, эмоции. Они буквально, как им и сказали, были связаны, духовно став одним целым.

Её взгляд то и дело косился на палец, где под чарами невидимости находилось ещё одно кольцо, которое появилось совсем недавно.

* * *

Чуть ранее.

— Надеюсь, что вы оба готовы, — пробурчал Драко, подготавливая ритуал. Было видно, что он всё-таки опасается за друзей. — Не скажу, что одобряю ваше решение хотя бы из-за того, что придётся призывать частицу мира мёртвых.

— Готовы, Драко. И...спасибо, что согласился.

— Спасибо скажешь потом, Гарри. Когда закончим со всем этим.

На столе, возле которого стоял Малфой, находились две чёрные свечи, подношения, серебряный нож, два серебряных кубка и небольшая чаша, также из серебра. Чаша и нож были исписаны различными рунами. Всё это действо происходило в подвале дома на площади Гриммо 12. Малфой-мэнор ещё не обладал защитой, чтобы спрятать всю энергию от ритуала, а вот дом Блэков эту защиту имел. Как говорил Сириус:

□В такие моменты я рад, что мои предки были параноиками.□

Гермиона стояла возле Гарри, с любопытством рассматривая подготовку. На ней была белая свободная мантия, с широкими рукавами, на Гарри — чёрная, более плотно прилегающая к телу. Единственное, что её немного смущало, это то, что под мантией и у неё, и у него, ничего не было, а так как тут ещё и Драко...поэтому и смущается. Единственное, о чём сейчас жалела Гермиона, что в этот момент нет её родителей, но она прекрасно понимала, что обычный человек может не выдержать, если энергия мёртвых начнёт зашкаливать.

Мантия Драко была другой. Это было нечто среднее между мантией Гарри и Гермионы — не была свободной, но и плотно не прилегала. Окрас был тёмно-красный, словно под цвет вина или крови. На спине был нарисован череп, символ смерти, рукавов же не было совсем. Татуировка, подаренная самой Хель, сейчас была тёмной и тусклой, будто неактивная, но Гермиона не один раз видела, как она загорается, когда Драко колдует что-то из своего дневника. Постепенно, когда Драко сжигал какую-то траву и что-то бормотал, его татуировка медленно загоралась всё сильнее и сильнее.

— Сегодня, в эту самую ночь, я, пред взглядом самой Хель, прошу соединить эти две души, — начал произносить Драко, закончив с ритуалом. — Пусть в этот самый час, в эту самую ночь, двое станут одним целым. С единой судьбой, единой душой. Я призываю в свидетели Великую Хель — соедини эти души навек, чтобы и после смерти и перерождения они могли найти друг друга в любом другом мире!

На последних словах татуировка Драко ярко вспыхнула, озарив всю комнату, и вместо того, чтобы потухнуть, продолжила гореть. Всю комнату начало заполнять холодом, а спустя несколько секунд сзади Драко появилась фигура, нависая над слизеринцем. Тот, почувствовав это, незаметно сглотнул комок в горле. Попробуйте представить себя на его месте, в этот момент и поймёте, какого ему сейчас было.

— Приветствую тебя, благословлённый, — прошелестел голос Хель. В этот раз голос не был лишён эмоций, они как раз-таки присутствовали, но понять какие они именно, Гарри не мог. — Наши с тобой встречи стали довольно частыми, но уже не рассчитывала, что меня призовут для этой цели.

Драко молчал. В такие моменты лучше вообще молчать, пока Хель не обратится лично, а у него есть другая цель — поддерживать в комнате нужную энергетику и терпеть присутствие Бледной Леди.

— Вечная Невеста, — медленно произнёс Гарри, чуть склонив голову. — Мы не хотели беспокоить Вас лично.

В комнате раздался холодный, тихий смех, в котором не было злости или раздражения, кажется её эти слова порадовали.

— Ты такой же, каким был всегда. Неважно, какое будет тело, душа всегда одна. Я долго ждала

момента, когда это произойдёт, и как я была зла, когда Покоритель Неба стал Повелителем Смерти, приняв моё Наследие, чего, как я надеялась, не произойдёт никогда.

Хель медленно подлетела ближе к рэйвенкловцам, остановившись перед ними. Костяная рука поднялась и приблизилась к лицу Гарри, кончики костяных пальцев медленно огладили его щёку, опалая её замогильным холодом. Поттер-Эванс, с трудом не зашипел от секундной боли, которая тут же превратилась в тёплый холод. Именно так он и ощущал — холод, приносящий тепло.

— Жизнь и Свет превратились в Смерть и Тьму, что несла твоя душа уже очень давно. Она давно должна была быть уничтожена, но её спасла та, кого ты любил, моё дитя.

Если Гермиона и испытала ревность на те слова, то буквально на секунду, так как в этот момент Хель подняла вторую руку, человеческую, прикоснувшись ей к её щеке. Девушку обдало той же смесью холода и тепла, и в голосе Вечной Невесты появились нотки одобрения.

— Ты спасла его, дитя Жизни. Как он, став твоим защитником, твоим щитом, так и ты защитила его душу от разрушения. Совершив полный круг, ваши души встретились вновь, не помня друг друга, чем и воспользовались некоторые люди. Но несмотря на это, вы смогли перебороть все препятствия на своём пути, пусть и совершая ошибки.

Короткий взгляд на Гарри, и парень даже смог смутиться. Сколько проблем он устроил Хель, даже удивительно, что она не послала его очень далеко и очень надолго. Тут в голове проскочило неожиданное озарение — до него дошло, почему все эти ощущения были такими странными, но не отталкивающими, и почему Хель ощущалась так странно. Она словно мать, что пришла вначале пожурить своих детей, и после этого похвалить. Поэтому так хотелось прильнуть к её руке — для Гарри, лишённого в детстве родительского тепла и внимания, это было словно...словно для усталого путника колодец холодной воды в пустыне. Хочется пить и пить, вначале жадно, а потом медленно, с удовольствием, утоляя эту жажду. Смерть — не всегда проклятье, иногда оно спасенье, её ждут и встречают с радостью, и Гарри это известно, как никому другому.

Следующие слова Хель заставили парня вытянуться по струнке, и немного испуганно вздрогнуть. А вот такой подставы он не ожидал.

— Я не могу объединить ваши души, пока они не достигнут полного доверия. Ритуал требует не только доверия, но и открытости. Лишь когда между вами не будет секретов, тогда вы станете едины.

Проследив за взглядом Хель, Гермиона повернулась к тому, кого любит всей душой.

— Гарри?

Парень покусывал губу, словно раздумывая. Спустя несколько секунд, он обречённо вздохнул, нервно рассмеявшись.

— Говорить о таком очень странно. Да что там, с каждым годом мне вообще кажется, что всё произошедшее сон или фантазия, хотя вся та боль очень даже реальная, — проговорил рэйвенкловец, повернувшись к любимой. — Я не знаю, как об этом рассказать, ведь это не больше, чем обычные слова. Но я могу показать. Я хочу, чтобы ты увидела это всё, Гермиона. Всё, что мне пришлось выдержать, и чтобы ты увидела мою главную ошибку, которую я захотел исправить.

Пара стояла друг напротив друга, смотря в глаза, и Гарри, выдохнув, коснулся своим лбом до лба девушки. В эту же секунду разум девушки начал заполняться образами, воспоминаниями, эмоциями, что шли следом за этим всем.

Она видела детство у Дурслей, и рассказ Гарри не шёл ни в какое сравнение с тем, что он чувствовал в те года. Побои, ненависть, голод, темнота от чулана. Мысли Гарри, который молился лишь о том, чтобы это всё закончилось, и его первые тёмные мысли, что он затолкал в глубины своего разума.

Поездка в Хогвартс, которая проходила совсем не так. Она помнит, как он сам подошёл к ней, помог поднять чемодан, а тут...он прошёл барьер вместе с Уизли, и она не могла понять, что происходит. Их общение было совсем другим, они даже не были друзьями. Встреча с троллем, хотя их и рядом в тот день не было!

Потом смерть профессора Квиррелла. Он погиб не сам, а его убил Гарри. Каждое прикосновение к профессору приносило боль не только ему, но и самому мальчику, жгучую, сильную. А когда профессор Квиррелл превратился в пепел прямо на его глазах, где-то в глубине души он испытал слабую радость, сменившуюся на глубокую депрессию.

Второй курс, где ему пришлось сражаться с Висой. Третий курс, на котором из тюрьмы сбежал мистер Блэк, и которого чуть не убили дементоры. Девушка слегка смутилась, когда увидела в его мыслях момент, как она накидывает на них обоих цепь от хроноворота. Её волосы задела его лицо, и он подумал тогда, насколько они оказывается мягкие, да и лёгкий румянец на щеках девушки был притягательным. Но в мыслях был и гнев, когда его взгляд задержался на ссадинах на её лице.

Турнир на четвёртом, куда насильно протолкнули не её саму, а Гарри. Её Гарри. Сколько ему пришлось перетерпеть. Предательство Рона, с которым они были друзья, ненависть всей школы, давящая на него с огромной силой. И среди всего, всей этой темноты, в его мыслях был один источник света — Гермиона. Что не бросила его, не отвернулась, даже когда остальные это сделали.

А потом была смерть Седрика, возрождение Волан-де-Морта, ненависть уже не Хогвартса, а магического мира, когда Гарри заявлял, что Лорд жив. Мучения от Амбридж (она испытала жгучее желание придушить эту суку, или уничтожить её разум, заставив думать, что она и есть жаба, или навечно превратить её в жабу), нападение на Отдел Тайн, где погиб Сириус. Гермиона ощутила всю боль, что тогда испытал Гарри, и мрачное удовлетворение, когда он атаковал Беллатрису заклинанием Круциатус. Он... радовался, смотря на то, как она корчится под заклинанием, пусть это длилось и недолго. И первые мысли о суициде, что надолго прописались в его голове.

Когда в мыслях появился шестой курс, девушка уже не удивлялась. Она поняла, что видит прошлую жизнь Гарри, что произошло, и что внутри до сих пор слегка мучает его. А потом её передёрнуло, словно она увидела что-то противное. Хотя так и было. Чтобы она и Уизел? Вместе? Да никогда! Ни в одной из жизней! Лучше пойти на костёр к Инквизиции, чем стать девушкой этой рыжей крысы! А Гарри...он словно умер в душе, когда увидел это. Она не чувствовала его присутствия, словно это уже были не воспоминания, а фильм, лишь изредка проскальзывали нотки грусти и боль от своей ошибки.

Седьмой курс. Почти каждодневное мучение Круциатусом на уроках, скрытное посещение различных школ и мест, и охота за крестражами с Невиллом, среди этих мыслей она увидела смерть Амбридж от клыка Василиска, которым Гарри её убил. Просто, не испытывая никаких

эмоций. Два Избранных уничтожили почти все якоря Тома Реддла кроме одного. Самого Гарри. Гермионе стало плохо — она ощутила приближающуюся смерть Гарри. Он не хотел жить, ему стало всё равно, и лишь желание оградить Гермиону от Тома держало его на ногах.

Видя сражение глазами Гарри, девушка испытывала страх — заклинания Тома были сильны, опасны и буквально сочились самой тьмой, Гарри едва стоял на ногах от усталости, моральной и физической. И две Авады. От Гарри и Тома. Два зелёных луча столкнулись в центре, давя друг на друга с такой мощью, что её слегка затрясло от такой силы двух магов. Гарри ожидал смерть, тянулся к ней, и от этого смог сломить мощь Тома Реддла, что перед своей гибелью использовал какое-то непонятное заклинание, слетевшее с его руки и ударившее в Гарри. Его отбросило назад, а всё тело покрылось глубокими ранами. Каждый новый вздох был тяжелее предыдущего, а каждый стук сердца — слабее прошлого. После — смерть и темнота.

Сколько так провела в темнота она не знала, но тут с глаз словно спала тёмная повязка. Вновь вокзал, первая поездка в Хогвартс. Недоумение Гарри, осознание, сильное желание...увидеть Гермиону. Настолько сильное, что это разогнало всю тьму в душе, сердце забилось быстрее, когда он всё же увидел её, хотя он и считал, что это от бега. Желание обнять и страх напугать этим. Желание пошутить, чтобы увидеть её улыбку. Радость при взгляде на Невилла, зашедшего в купе и такое же желание обнять его, похлопать по плечу, убедиться, что с ним всё хорошо.

Мысли парня начали нестись с огромной скоростью, сплетаясь с воспоминаниями самой девушки, позволяя увидеть многое со стороны. Как он избежал столкновения с Квирреллом, стал Василиском и переправил Вису в свой дом. Удивление и радость, когда увидел крёстного на вокзале, которому разрешили увидеться с ним. Смущение, когда подарил симпатичной девочке открытку, сделанную своими руками и поцеловал её в щёчку. Ещё большее смущение, когда сама Гермиона неуклюже поцеловала его в губы, после чего убежала. Страх за неё, когда она окаменела, и как ему было плохо после этого. В этой жизни было не меньше проблем и темноты, но Гермиона стала его якорем, за который он держался.

Понимая, что он ничем не выделяется среди других, Гарри начал заботиться о своём здоровье, чтобы добиться внимания красивой девочки. Всё это смешивалось с мыслями Гермионы, приводя её в трепет, смущение и радость. Но даже это не помешало ей ощутить боль Гарри, особенно, когда все воспоминания закончились. В глазах всё двоилось, но резкость возвращалось быстро. Гарри стоял перед ней, тяжело дыша, из его глаз текли слёзы.

— Я всегда любил тебя, — хриплым голосом проговорил Поттер-Эванс. Его стало трясти, словно от холода. — Всегда, но не понимал этого. Ты всегда была рядом, а я поступал как последний идиот. Не замечал ничего вокруг, концентрируясь на Томе, и поздно заметил, как ты мне нужна. Я потерял тебя, потерял один смысл жизни, и насильно нашёл второй — дать тебе возможность прожить спокойную жизнь, хоть и не со мной.

— Гарри...

— Я обо всём забыл, я ничего не хотел видеть, тем самым совершая самую главную ошибку. Я не стал бороться за тебя, я... я...у меня не было сил чтобы жить... я убивал, Миа. Я... я убил столько, разрушая свою душу до конца, встал на этот путь. Ты была моим светом, а я ушёл во тьму, убивая себя и других. Я стал недостойн такой девушки, как ты, и перестал бороться, — голос парня сорвался, и он шептал как сумасшедший. — Прости меня... Прошу, прости...

— Гарри! — девушка, не обращая внимания на то, что сама стала плакать, положила обе ладони на его щёки, тем самым заставив его открыть глаза и посмотреть на неё.

Теперь она старалась передать все свои мысли. Пусть она не помнит той жизни, до отката или перезапуска, но она помнит эту. Радость, когда Гарри назвал её подругой. Страх, что он оттолкнёт её, когда Уизли назвал её заучкой. Снова радость, когда он пришёл к ней, сказав, что она его друг и он её не бросит. Чувство защищённости, что она испытывала, когда Гарри был рядом. Счастье, когда он предложил ей вначале встречаться, а потом выйти за него. И светлое, распирающие изнутри чувства счастья, радости, и ещё чего-то тёплого, словно от солнца, когда Гарри говорил слова клятвы и они стали мужем и женой.

— Если бы ты не был достойным, я бы не вышла за тебя, Гарри, — успокаивающе произнесла Гермиона. — Это я совершала ошибки на протяжении всех этих лет. Я была занудой, пыталась командовать. Но я от тебя не получала ничего плохого. Ты дарил мне дружбу, тепло, защиту и любовь. Ради меня ты стал Василиском, чтобы мог защищать. Ради меня и Сью, ты и Невилл пошли на взрослых Пожирателей, которые могли вас убить. Ты защитил меня, когда меня пытались отправить на Турнир. Ты защитил всех нас, когда мы проходили Ритуал. Как ты можешь говорить, что недостойн?

— Я виноват в том, что вёл себя так ужасно по отношению к тебе...

— Это было в прошлом, Гарри, — Гермиона положила ладонь ему на грудь, где стучит его сердце, которое, как она отметила краем сознания, стучит одновременно с её сердцем. — Точнее не так — этого не было. Забудь это, оставь там, где должно находиться. Ты сейчас здесь, со мной. Ты — мой муж. Мы вместе, и так будет всегда.

— Я...люблю тебя, Миа, — очень тихо сказал Гарри спустя минуту, выдохнув весь воздух из лёгких. Возможно, воспоминания о тех днях его никогда не оставят, но зато теперь он ощутил, что они не будут так внутренне терзать душу.

— Я тоже люблю тебя, Гарри, — ответила девушка с нежной улыбкой на губах.

Раздался громкий хлопок, и пара вздрогнула, повернувшись на звук и тут же увидев Хель, что всё ещё стояла перед ними.

— Я рада, что ты, наконец, освободился от этих цепей. Колесо вашей жизни вновь катится вперёд, и только от вас двоих зависит, когда и как закончится этот путь, и начнётся новый. Благословляю тебя, дитя моё, и тебя, дитя Жизни, — Хель проплыла по воздуху назад, вновь оказавшись позади Драко. — Продолжай, мой юный Жрец.

Малфой уже даже не вздрогнул, явно привыкнув к присутствию Бледной Леди. Взяв в руки серебряный нож, Драко пропустил через него свою магию отчего клинок загорелся также ярко, как его татуировка, и протянул нож Гарри. Оказавшись в его руке, Поттер-Эванс, осторожно взял свою любимую за руку, и сделал глубокий порез на ладони. Это было единственное, чего хотелось бы ему избежать в этом ритуале, но, к сожалению, было невозможно. Он виновато посмотрел на Гермиону, но она в ответ лишь улыбнулась, принимая в руку нож, сделав такой же порез уже на его ладони.

В чашу, наполненную красным вином (Гарри мысленно поблагодарил Люциуса, что предоставил, как говорит, самое лучшее, что способны достать Малфои), пара добавила свою кровь, после чего над чашей занёс руку Драко. Жидкость внутри засветилась рубиновым цветом, и продолжила светиться, даже когда руку он убрал. По очереди, вначале Гарри, а потом и Гермиона, выпили поровну, оставив на дне лишь небольшое количество вина, которое начало шипеть и испаряться, заполняя чашу кровавым дымом. Едва пара скрепила ритуал поцелуем, их безымянные пальцы обдало сильным холодом, и на них появились красно-чёрные

кольца, с нанесёнными рунами.

— А это ещё что? — негромко проговорил Малфой, но пара его услышала, повернувшись к нему.

Драко, татуировка которого пульсировала потусторонним светом, протянул руку к чаше, опустив её внутрь, достав оттуда небольшой тёмный камень.

— Это мой дар тебе, юный Жрец. Ты мог ошибиться, навредив тем самым себе, но решился провести ритуал и вызвать меня в свидетели ради тех, кто изменил твоё мировоззрение. Ты заслужил.

— Это же... Воскрешающий Камень! — удивился Гарри, вспомнив, где он это видел. — Но разве... его не уничтожили?

— Чтобы люди могли уничтожить то, что создала я? — холодно усмехнулась Хель. — Они смогли уничтожить лишь физическое воплощение камня, но оно всегда было, есть и будет существовать. Кадмус не был таким уж гордецом, каким его считают многие, хотя в нём и были эти черты. Он первым разгадал, что кольцо может не только вызывать мёртвых, но и приносить защиту от Тёмных созданий. Он же и стал первым Жрецом. К сожалению, его потомок пошёл против моего завета, за что он лишается права владеть камнем Мирового Змея. Антиох стал моим воином, моим Аватаром в мире людей, но гордость затмила его разум. Игнотус, — холодный взгляд устремился на Гарри, — самый скромный и мудрый. Он предпочитал мирную, спокойную жизнь в кругу семьи, к чему так стремишься ты. Поэтому я и подарила ему мантию-невидимку. Чтобы защитить своё дитя, и чтобы она защищала его потомков.

В комнате поднялся холодный ветер, темнота накрыла всё, и лишь две свечи, горящие зелёным пламенем, освещали людей. В этой темноте едва заметно светились глаза Хель, постепенно затухая.

— Госпожа, — потянулся мысленно к Хель Гарри. Его интересовал настоящий ответ, который его волновал с того момента, когда он оказался на вокзале Кингс-Кросс во второй раз. — Скажите, почему вы дали мне второй шанс? Чем я его заслужил?

Ответа не последовало, но все ощутили, что Хель улыбнулась. Медленно, темнота начала отступать, как раз к тому времени, как свечи стали догорать. Ритуал был закончен, и молодожены теперь навечно соединены на духовном уровне.

* * *

Скоро они придут и встретятся со своим прошлым, чтобы найти дорогу в будущее. И на вопросы, что роятся в их душе, они получают ответы, пусть для некоторых из них эти ответы будут болезненны, и могут сломить их волю. Ответы могут поглотить их и сделать другими, сделать для каждого новое Я, или же полностью уничтожить.

Но лишь полностью упав на землю, ты сможешь узнать, есть ли вокруг тебя люди, готовые поднять тебя на ноги или упасть рядом, не оставив тебя одного. Лишь тогда ты сможешь узнать — один ты в этом мире, или же у тебя есть семья, что всегда будет рядом с тобой.